Антон Чиж

Антон Чиж

Дочь крысолова

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-59

Редактор серии *Е. Тёрина*

Дизайн обложки *А. Дурасова*

Чиж, Антон.
Ч-59 Дочь крысолова : роман / Антон Чиж. — Москва : Эксмо, 2027. — 352 с.

ISBN 978-5-04-252914-6

Рождественский Петербург кружится в вихре святочных балов, но за праздничным блеском столицы разворачивается зловещая мистерия. Загадочная гибель старой повитухи запускает цепь изощренных преступлений, ведущих к роковой тайне двадцатилетней давности.

Незримый кукловод расчетливо дергает за ниточки, превращая людей в послушных марионеток для своего кровавого спектакля. Чтобы остановить Мышиного короля, сыщику Родиону Ванзарову и криминалисту Аполлону Лебедеву придется сорвать маску с чудовища прежде, чем праздник обернется смертельной ловушкой.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-252914-6

© Чиж А., текст, 2027
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2027

УВЕРТЮРА

Ясные звёздочки помигивают в тёмном небе. Окна в морозных узорах. Шторы не задёрнуты. В доме тепло. Трещат поленья в камине. Пахнет корицей, апельсином и хвоей. Настольная лампа светит мягко. Блестит огоньками украшенная ёлка. Шары и гирлянды сверкают бликами. Прекрасное, волшебное время. Время Рождества и святок. Прочь все заботы и хлопоты, прочь! Устраивайтесь поудобнее, дорогие читатели, на диване или в кресле. Укрывайтесь мягким пледом, запаситесь ароматным какао или душистым чаем. Не забудьте прихватить с кухни печенье или пряники.

Вам уютно?

Тепло?

Хорошо...

Пришло время сказок. Когда же рассказывать сказки, как не долгими зимними вечерами на Святках.

Ну, слушайте...

Сказка наша начинается жарким июльским[1] днём 1876 года.

Может быть, июль кого-то радует, например, москвичей или нижегородцев, астраханцев или тамбовцев, но

[1] Все даты указаны по старому стилю.

только не жителей Петербурга. Столичный житель встречает июль с тоской: опять по улицам несутся облака песка и мусора, так что не вздохнуть без кашля. Опять от жары не спасают зонтики. Опять обливаешься пóтом при каждом движении, и квас не охлаждает, и тень не спасает. Остаётся сбежать на дачу. Горожане, словно стая перелётных гусей, переселяются на всё лето в ближайшие посёлки.

Город пустеет. В столице остаются несчастные, которым дача не по карману или служба не отпускает. Невольные герои при первой возможности стараются улизнуть в городские сады, чтобы укрываться от жары и пыли среди зелени кустов и прочей растительности. Известным местом спасения стал Юсупов сад, что был разбит рядом с дворцом князей Юсуповых ещё в начале XIX века.

Надо сказать, что зимой в Юсупов сад простому смертному не попасть: лёд и берега садового пруда арендует Общество любителей бега на коньках, проводя состязания, роскошные праздники на льду или любезно прокатывая хорошеньких дам. Попасть в члены Общества мечтают все, но допускают избранных, уважаемых и состоятельных. Как-то раз отказали министру, так что он, обидевшись...

Но не будем отвлекаться.

Да, зимой Юсупов сад недоступен.

А летом широко открывает кованые ворота всем желающим. Немедленно все желающие спастись от зноя заполняют дорожки сада, наслаждаясь прохладой пруда. На его водной глади летом тренируются члены Общества спасения на водах. Что разумно: если спасти того, на ком тренировались, не вышло, утонуть в Юсуповом трудно, дно неглубокое.

В час после полудня посетители сада разбрелись кто куда. В тенистом уголке, как нарочно укрытом густыми

кустами, остановилась пара. Молодой мужчина был смуглолиц, с глазами будто горящие угольки. Чёрные волосы вились кудрями, что заметно было даже под белой шляпой с широкими полями, какие носят у нас только художники или купцы, съездившие в Париж. Свободной рукой он делал нервные, порывистые жесты. Сам казался горячим, как южная кровь. Надо признать, что юноши этого сорта глубоко ранят сердца девиц тоской и мечтами.

Барышня, опиравшаяся на его руку, казалась типичной жительницей столицы, то есть была изящна фигурой и бела кожей лица, с которого не сходило чуть горделивое выражение. Она могла показаться немного холодной и даже надменной. Будем справедливы: в Петербурге напускной холодок — не редкость среди незамужних девиц. Климат, что ли, такой промозглый...

Быть может, вы ждёте сравнения: «Они были как лёд и пламя»? Что ж, пусть так и будет: как лёд и пламя.

Меж собой они общались вполголоса и замолкали, когда появлялся посторонний. Когда очередная спина скрылась за поворотом дорожки и большим кустом, барышня вздохнула горестно:

— Нет, это ужасно...

Молодой человек порывисто сжал её пальчики, затянутые в кружева перчатки:

— О, сердце моё! Не дайте печали! Ничего плохого нет! — Он говорил с приятным акцентом, как всякий иностранец, основательно поживший в России.

Она мягко вытащила пальчики из мужского захвата.

— Но что же мне делать?

— Немного потерпеть надо. К лучшему! — с напором ответил он.

— К лучшему? Что же тут может быть к лучшему...

— После мне дадут разрешение. Будет награда моя. Они не смогут отказать.

Барышня слегка сморщила носик.

— Не понимаю, почему надо ждать... Я не могу ждать... Вы должны понимать.

— О, я понял! Душа рвётся к вам, сердце моё. Мой долг. Служба. Будет хорошо. Даю слово.

Она снова вздохнула, как умеют только барышни, которые не могут получить желаемое.

— Я так боюсь...

От избытка чувств молодой человек чуть не сжал спутницу в объятиях, но сдержался: такое поведение в публичном месте недопустимо. Ещё городового позовут.

— О, сердце моё! Не надо бояться. Нас ждёт счастье!

— Счастье, — повторила она в сомнении. — Счастье не может быть в разлуке.

Он издал звук, будто в душе у него клокотал кипяток.

— Какое мучение! Только терпеть. Совсем мало! Потом наше счастье! Верите мне. Верите!

— Хорошо, я вам верю, — ответила она и заглянула в его горящие глаза. — Когда же это случится?

— Скоро... Начало август.

— И как надолго?

Молодой человек сделал движение, будто боднул головой муху.

— Две недели... Может, чуть много... Он едет смотреть Москва. Я в свите от нашей миссии.

— Почему нельзя послать кого-то другого?

— О, сердце моё! Это большая честь, мой шанс, мой карьера. Такое один раз. Больше никогда. Нельзя отказать. Моя жертва для наше счастье, для наше будущее, для вас...

— Москва! — сказала она с брезгливой интонацией, какой произносят это слово спесивые столичные жители. — Зачем ему понадобилась Москва? Что хоро-

шего в Москве? Калачи да базары. Петербурга, что ли, мало?

— Он хочет изучить Россия. Европейское путешествие... Он образован. У него много интереса. Читает много книг. Учёный. Всё будет хорошо! Небольшой разлука! Москва близко. Верьте мне, сердце моё!

Она постаралась улыбнуться, чтобы поощрить молодого человека. Вышло неискренне.

— Хорошо, если так надо... Но я очень боюсь...

С огнём и жаром он продолжил убеждать барышню.

Они были так заняты своими чувствами, страхами и надеждой, что не замечали ничего вокруг себя.

Густая зелень Юсупова сада имеет странное свойство: за нею легко скрыться и наблюдать оттуда, оставаясь незамеченным. И слышать каждое слово, которое слетело с уст. Не скрыть ничего, что должно остаться в тайне.

* * *

Как полагается в сказках, незаметно, с осенними листьями, дождями и первым снегом, пролетело пять месяцев. Наступил конец года.

* * *

Утром 31 декабря в большой квартире купца Миркумова, занимавшей второй этаж доходного дома на Гороховой улице невдалеке от Каменного моста, собрались гости. В приглашении было написано «утренник», то есть детская ёлка. Что было непривычно. По общей традиции детскую ёлку в семье принято устраивать утром 25 декабря, в Рождество. Новый год в середине Святок не считался важным событием, которое надо отмечать праздником.

Отказать гости не могли: они служили в магазинах Миркумова. Собравшихся в просторной гостиной было немного: трое старших приказчиков без жён и детей, незнакомый юноша, державшийся строго и независимо, и невысокий господни с бакенбардами и крючковатым носом, который осматривал всех цепким взглядом и не мог устоять на месте, то качаясь на каблуках, то перешагивая туда-сюда.

Чуть в стороне от всех держался, явно смущаясь, рано лысеющий мужчина в потёртом пиджаке. На вид ему было не более двадцати пяти, но заботы оставили на лице заметный след. К нему жалась девочка лет трёх, державшая за руку брата, старше её года на два. Дети были одеты скромно, если не сказать бедно. Во все глаза они смотрели на огромную ёлку, украшенную так богато, будто в сказке, не самодельными игрушками, а настоящими немецкими стеклянными шарами, конфетами и орешками в золотой фольге. Под ёлкой никаких подарков не было, потому что подарки дарят на Рождество. Зато там одиноко стояла модная и дорогая кукла — нюрнбергский деревянный Щелкун в гусарской форме с раскрытой пастью. Мода на сказки Гофмана охватила столицу после недавнего издания собрания сочинений в русском переводе.

У стены был накрыт стол с обильными холодными закусками, графинчиками настоек и шампанским. По краям стола замерли нанятые официанты. К тарелкам мейсенского фарфора и хрустальным бокалам никто не прикоснулся. Ждали хозяина. Он задерживался в комнатах.

Двери распахнулись, в гостиную решительным шагом вошёл купец. За ним следовали жена и дочь. На каждом из них задержим взгляд.

Господин Миркумов напоминал скалу или былинного богатыря. Грубые черты лица говорили о крепких

крестьянских корнях, кулаки размером с арбуз — о природной силе. Одет строго по европейской моде, из украшений только перстень с брильянтом, золотая цепочка на жилетке, причём без брелоков, брильянтовая заколка в галстуке. От привычек купечества осталась ухоженная бородка.

Появление столь мощной фигуры заставило гостей поклониться, как при выходе царственной особы. Поклон не отдал лишь вёрткий господин с бакенбардами.

— Пришли? Хорошо, — сказал Миркумов вместо приветствия.

Ах да, мы же забыли про двух женщин.

Жена Миркумова на его фоне казалась крошкой, хотя имела нормальный для женщины средний рост. Внешность её была как будто с восточными корнями, может, и турецкими, что в соединении со славянской кровью часто порождает редкую красоту, хоть у супруги и поблёкшую с годами. В семье роль её сводилась к тому, чтобы быть покорной и молчаливой хозяйкой над прислугой. Не будем осуждать Миркумова за деспотизм. Сами понимаете: времена были царские, самодержавные, никакой демократии и вольности в семье не позволялось. Не то что теперь!

А дочь... Дочь его держалась прямо. Что давалось ей с большим трудом. На лице, взявшем от матери свежесть красоты, виднелись синие круги под глазами, как после болезни, волосы просто убраны назад, без намёка на причёску. Она была в чёрном платье с глухим воротом. Такой наряд уместен для траура, а не праздника.

Гости сделали вид, что так и должно быть, ничего удивительного, взглядами не обменивались. Не смели повернуть головы в присутствии Миркумова.

Хозяин приказал налить шампанское. Официанты откупорили бутылки, наполнили бокалы, разнесли по гостям. Барышня не взяла поднесённый бокал.

— У нас в семье большая радость, — сказал Миркумов, глядя в натёртый паркет. — Господин Хабалов оказал нам честь и сделал предложение Арсении...

Он взял паузу, чтобы гости осознали услышанное. Приказчики принялись переглядываться и посматривать на счастливчика, на которого прежде не обращали внимания. Господин Хабалов стоял как молнией поражённый. Только что не дымился и не искрил. На лице его застыло выражение: «Я не ослышался? Правда? Такое счастье привалило мне?»

Раздался звук, будто кто-то подавил крик. Может, официант задел бутылкой фарфор.

— Моя дочь приняла предложение и ответила согласием, мы с женой благословили брак. Обручение состоялось. Господин Хабалов, подойдите к вашей невесте.

Оторвав цепляющихся напуганных детей, Хабалов робко приблизился. Ему указали место справа от Арсении, легонько подтолкнув хозяйской рукой, когда он замешкался. Взглянуть на будущую жену Хабалов не посмел. Счастливая невеста отрешённо смотрела прямо перед собой.

— Свадьба состоится сразу после Крещения, как положено, — сказал Миркумов, держа в кулаке тонкую ножку бокала. — Поднимаю тост за счастливую жизнь новой семьи господина и госпожи Хабаловых.

Возникла заминка. Словно гости не верили в происходящее. Действительно, было от чего прийти в замешательство. Обучение во время Святок — законная традиция после окончания Рождественского поста. Но объявить вот так публично — на грани приличий. Точнее, за

гранью: сделать девушке предложение и получить благословение родителей — дело сугубо семейное, почти тайное, не для посторонних глаз. Не принято так объявлять помолвку. Да и жених обязан с подарками явиться, прежде чем требовать руку и сердце. А тут — ничего. Всё с ног на голову перевёрнуто. Кто возразит Миркумову? Сделает, что пожелает.

«Какой позор для дочери!» — про себя подумали приказчики. Что подумал господин с бакенбардами, объяснить трудно. На губах его застыла змеиная улыбка.

— Что застыли? Пейте.

Гости взялись за бокалы. Хабалов только пригубил. Невеста не шелохнулась, будто не её помолвку начали праздновать. Матушка незаметно придерживала дочь. Мало ли что. От такого счастья в обморок упасть недолго.

Грохнул бокал и разлетелся на осколки. Бросивший его молодой человек выбежал вон, вдобавок хлопнув дверью.

— На счастье, — сказал Миркумов без тени досады. — Закусывайте...

Гости послушно повернулись к столу, будто ничего не случилось, и принялись накладывать на тарелки нарезку мясную и рыбную на любой вкус. Официант умело замёл осколки. Девочка и мальчик жались друг к дружке, оставшись в одиночестве.

— Иди к ним, — Миркумов кивком указал на детей. — Накорми... Обо всём после, когда эти уйдут.

Не посмев взглянуть на невесту, Хабалов вернулся к детям, наклонился, стал что-то объяснять девочке. Мальчик держался за сестру, не отрываясь смотрел на волшебную ёлку. Будто его околдовали злые чары.

Зазвенели вилки. Гости с аппетитом заедали смущение. С чьей-то тарелки шмякнулся сочный кусок копчё-

ного астраханского сала. Официант не успел подобрать. В еловых ветвях зашуршало, из нижних лап выпрыгнула серая тень, метнулась к салу, схватила зубами, замерла, озираясь, ища путь спасения. И бросилась туда, где было меньше людей.

Каблук Миркумова был точен. Глухим ударом вдавил в лепёшку.

— Развелось дряни, — сказал он, стряхивая с каблука налипшее. — Прохорыча надо звать. Что застыли? Крыс не видели... Радуемся, празднуем. Официанты, шампанского!

Невеста повернулась и вышла. Мать, смахнув слезинку, последовала за ней.

— Рассчитаемся ещё, — пробормотал Миркумов одними губами. — Вернуть Ваньку!

Официанты бросились догонять. Гости чокались за здоровье молодых. Бокалы звенели.

* * *

А в нашей сказке не успеешь оглянуться — уже пролетели Святки. С колокольным звоном и водосвятием столица отметила Крещение. Праздники кончились. Наступила пора зимних свадеб.

* * *

Поздним вечером 10 января из трактира Васильева с крепкими напитками[1], что издавна располагался на

[1] В Петербурге трактиры делились на четыре категории: постоялые дворы, съестные лавки, чайные и с крепкими напитками. Официально водку разливали только в последних. В постоялых дворах разрешалось пиво, в съестных лавках сбитень, в чайных, разумеется, чай.

Мясной улице недалеко от реки Пряжки, вышли двое. Держались они за плечи друг друга, пошатываясь и смеясь. Дело обычное — подгуляли, выпили малость лишнего.

Вид и одежда говорили, что гуляки не из рабочих или мастеровых, не крестьяне, не прислуга или извозчики, а из «чистых господ», как народ называл тех, кто не трудился до мозолей, не считал каждую копейку и мог позволить себе зимнее пальто с тёплой шапкой. То есть наверняка из служилого, чиновничьего сословия.

Пойти в трактир мелкому чиновнику было не зазорно. Во-первых, потому, что хозяин держал заведение в порядке: у половых чистые фартуки, закуска обильная, крепкие напитки не разбавлены. Главный секрет: цены в трактире не сравнить с ресторанными. У знаменитого Палкина готовый обед из трёх блюд без вина обойдётся в два с половиной рубля. А у Васильева за полтора рубля получишь графинчик водки, полную тарелку холодной говядины, гору солений, хлеба — сколько хочешь и чай с самоваром. Кто ж откажется.

Место, отдалённое от глаз начальства: впереди Галерный остров, окружённый рекой Фонтанкой, и сама хозяйка Нева. Глухое, в общем, место.

Один толкнул другого в бок.

— Отойдём облегчиться?

— Да, надо бы перед дорожкой...

Они завернули в большой двор за трактиром. Фонарей тут никогда не было. В темноте виднелись силуэты дровяного сарая и хозяйственной постройки. Снег лежал сугробами.

Приятели отошли подальше, где запах указал, что не они первые побывали тут.

Одни из них согнулся, держась за живот.